

Измена.

Ты примешь роды
у моей любовницы

Виктория Северина

Виктория Северина

Измена: Ты примешь роды у моей любовницы

<https://litres.ru/74437428>

Аннотация

— Ребёнок Алисы мой, — спокойно говорит муж, пока я пытаюсь смыть с рук её кровь. — И ты продолжишь вести её беременность.

Я двадцать лет прожила с Германом. Вместе с ним построила клинику, воспитала дочь и поверила, что наша семья выдержит всё. Даже то, что после тяжёлых родов я больше не смогла иметь детей.

Но Герман решил исправить эту «несправедливость» без меня.

Его молодая любовница носит долгожданного сына. А от меня муж требует совсем немного: не устраивать скандал, не подавать на развод до важной сделки и лично принять роды у женщины, которая должна занять моё место.

Герман уверен, что я никуда не уйду. Клиника держится на моём имени. Дочь зависит от его денег. А врач, по его мнению, обязана забыть о предательстве ради пациента.

Он предусмотрел всё.

Кроме одного.

Я действительно спасу его любовницу и ребёнка. Но после этого Герман узнает, что происходит с женщиной, когда жена, дочь и даже женщина, родившая ему наследника, перестают считать его центром своей жизни.

Содержание

Глава 1. Ты спасла моего сына	5
Глава 2. У каждой из вас своё место	42
Глава 3. Мужчина, которому я не поверила	80
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Глава 1. Ты спасла моего сына

К девяти вечера клиника наконец начала затихать, хотя тишина в «Колыбели» никогда не становилась полной. За стенами моего кабинета продолжали тихо переговариваться дежурные медсёстры, в коридоре изредка поскрипывали колёса каталок, а где-то этажом выше плакал новорождённый — настойчиво, сердито и так громко, словно требовал немедленно объяснить ему, по какому праву мир оказался холоднее и ярче материнского тела. Обычно этот звук возвращал мне силы. Сегодня я только закрыла глаза и на несколько секунд прислонилась затылком к спинке кресла, потому что после четырнадцати часов на ногах даже детский крик воспринимался не как чудо, а как доказательство того, что рабочий день ещё не закончился.

На столе передо мной лежали две незаполненные карты, распечатка завтрашнего расписания и нетронутый бутерброд, который принесла секретарь около пяти часов. Хлеб успел подсохнуть, сыр по краям потемнел, но выбросить его я почему-то не решалась, словно признание того, что мне снова не удалось поужинать, означало бы окончательное поражение. Последняя операция закончилась хорошо, хотя ещё полтора часа назад никто не решался произнести это вслух. Молодая женщина, поступившая с осложнениями, спала под наблюдением, её дочь дышала самостоятельно,

а муж пациентки несколько минут плакал у меня на плече, повторяя, что никогда этого не забудет.

Я знала, что забудет. Не сам страх, конечно, и не первый взгляд на маленькое красное лицо за прозрачной стенкой ку-веза, но меня забудет почти наверняка, и в этом не было ничего обидного. Врач не должен оставаться в чужой семье дольше, чем длится беда. Мы приходим в самый страшный момент, делаем всё, что можем, и отходим в сторону, когда люди снова получают право принадлежать друг другу.

Я потёрла пальцами виски и посмотрела на часы. Герман обещал заехать за мной около восьми, но в половине девятого прислал короткое сообщение: «Задержусь. Поезжай без меня». Я не удивилась и не обиделась, потому что в последние месяцы он задерживался всё чаще. Перед важной сделкой у него были встречи, переговоры, ужины с людьми, которых он называл необходимыми, хотя половину из них я не смогла бы узнать в лицо. Герман умел разговаривать с теми, кто видел в клинике прежде всего цифры, площади и будущую прибыль, а я предпочитала оставаться с теми, для кого «Колыбель» означала последнее место, где им ещё обещали не отмахиваться и не говорить, что шансов нет.

Телефон снова завибрировал, но на этот раз на экране светилось имя старшей медсестры. Я приняла вызов и уже по её дыханию поняла, что уйти домой в ближайшее время не получится. Нина Павловна говорила быстро, однако не сбивалась, и за годы совместной работы я научилась различать

в её голосе обычную срочность и настоящий страх.

— Вера Андреевна, у нас в приёмном беременная с кровотечением, — сообщила она, стараясь сохранять привычную деловитость, но последние слова всё равно произнесла тише. — Срок около тридцати недель, давление падает. Дежурный врач уже спускается, но пациентка просит вас.

Я выпрямилась, и усталость отступила так резко, словно кто-то выключил её вместе с настольной лампой. Несколько секунд назад я едва могла заставить себя поднять руку, теперь же уже застёгивала халат и убирала волосы под шапочку. В такие моменты тело всегда вспоминало профессию раньше, чем сознание успевало испугаться.

— Имя пациентки? — спросила я, выходя из кабинета и прижимая телефон к уху плечом. — И кто её привёз?

Нина Павловна на мгновение замолчала, будто проверяла документы или не знала, как я отреагирую. Потом она негромко ответила:

— Туманова Алиса Сергеевна. Та самая, из отдела рекламы. Приехала на такси, сопровождающих пока нет.

Я знала Алису Туманову. Не близко, разумеется, и даже не настолько хорошо, чтобы помнить её отчество без подсказки, однако в клинике она появилась около полутора лет назад и успела сделать так, чтобы её узнавали все. Алиса организовывала съёмки, убеждала врачей улыбаться для социальных сетей, приносила в отделения букеты перед приездом журналистов и однажды предложила мне записать короткое видео

под названием «Пять привычек счастливой мамы». Я тогда спросила, собирается ли она включить в список сон, деньги и здорового ребёнка, после чего Алиса несколько недель обходила мой кабинет стороной.

Я не испытывала к ней симпатии. Она казалась мне слишком уверенной в том, что любую человеческую историю можно правильно осветить, подобрать к ней удачную музыку и превратить в красивый ролик. Несколько месяцев назад её живот стал заметен, сотрудники начали поздравлять, а Алиса принимала пожелания с сияющей улыбкой, не называя отца ребёнка. Я не интересовалась. Беременность женщины не давала мне права заглядывать в её личную жизнь, если она сама не приходила ко мне как пациентка.

В приёмном отделении Алиса лежала на каталке, прижав обе руки к животу. Её светлое платье было испачкано кровью, на лбу выступил пот, а от прежней самоуверенности не осталось ничего. Она казалась моложе своих двадцати девяти лет, почти девочкой, которую внезапно вытащили из привычной красивой жизни и показали, что тело не интересуется планами, обещаниями и тем, как удачно ты получаешься на фотографиях.

— Вера Андреевна, пожалуйста, — выдохнула она, едва увидев меня. Её губы дрожали, и каждое слово давалось с трудом. — Скажите, он жив? Я не чувствую его так, как раньше. Почему он не двигается?

Я подошла ближе, накрыла её холодную ладонь своей и

заставила себя забыть обо всём, что когда-либо раздражало меня в этой женщине. Сейчас передо мной находилась не Алиса из отдела рекламы, которая спорила о цвете стен и однажды попросила перенести обход ради съёмочной группы. Передо мной была беременная женщина, напуганная настолько, что её пальцы с неожиданной силой впились в мою руку.

— Мы сейчас всё проверим, — сказала я спокойно и посмотрела ей прямо в глаза, чтобы она слышала не только слова, но и уверенность, которую мне приходилось изображать даже тогда, когда самой хотелось бояться. — Ребёнок под наблюдением, и вы тоже. Не пытайтесь подниматься, дышите медленно и отвечайте на вопросы.

— Он выживет? — повторила Алиса, не отпуская меня и будто не замечая других людей вокруг. — Пожалуйста, не говорите мне, что нужно ждать. Я должна знать сейчас.

— Сейчас я могу сказать только то, что его сердце бьётся, — ответила я, слегка сжав её пальцы. — Остальное станет понятно после обследования. Сосредоточьтесь на моём голосе и не тратьте силы на то, чего мы пока не знаем.

Она закрыла глаза, но по её лицу тут же потекли слёзы. Я не стала просить её успокоиться, потому что просьба успокоиться редко помогает человеку, над которым внезапно открылся край пропасти. Вместо этого я начала задавать короткие вопросы: когда появилось кровотечение, была ли боль, случалось ли подобное раньше, где она наблюдалась и

какие результаты получила на последнем обследовании.

Алиса отвечала неровно. Между фразами она глубоко вдыхала, морщилась и снова спрашивала о ребёнке, словно боялась, что за несколько секунд молчания его сердце может остановиться. Из её сбивчивых слов выяснилось, что беременность протекала не так безоблачно, как она рассказывала коллегам. Врач уже предупреждал о низком расположении плаценты и советовал беречь себя, но Алиса продолжала ездить на работу, готовила юбилей клиники и уверяла всех, что прекрасно себя чувствует.

— Почему вы не наблюдались у нас постоянно? — спросила я, пока медсестра закрепляла на её руке манжету и называла показатели. Вопрос прозвучал строже, чем я хотела, однако меня задело, что сотрудница нашей же клиники скрыла важные результаты и оказалась у нас только после кровотечения.

Алиса открыла глаза и на мгновение отвела взгляд. Даже испуг не смог полностью скрыть странное выражение, появившееся на её лице, — не вину, не стыд, а тревогу человека, которому приходится решать, сколько правды можно сказать.

— Мне посоветовали другого специалиста, — прошептала она, облизнув пересохшие губы. — Сказали, так будет спокойнее. Я не хотела, чтобы на работе все обсуждали мою беременность.

— Половина клиники знает, что вы беременны, — заме-

тила я, но не стала продолжать. — Остальное обсудим потом. Сейчас главное, чтобы кровотечение не усилилось.

Мы перевели Алису в смотровую. Время сузилось до привычной последовательности действий, голосов и цифр, которые я воспринимала почти не задумываясь. Я слышала, как рядом работает команда, как Нина Павловна отдаёт распоряжения, как кто-то просит принести дополнительные результаты, но всё это сливалось в единый ритм, внутри которого не оставалось места ни для усталости, ни для неприязни.

Алиса продолжала держаться за мой рукав. Даже когда рядом оказалась дежурный врач Марина Олеговна, она не захотела отпускать меня и попросила остаться. Я могла бы напомнить, что закончила смену, что в клинике есть другие опытные специалисты и что моя помощь не обязана становиться личным обещанием. Вместо этого я осталась, потому что страх женщины не должен оплачивать моё раздражение.

— Вера Андреевна, я всё сделала неправильно? — спросила Алиса, когда первое обследование закончилось и в комнате стало немного тише. Она смотрела на меня огромными влажными глазами, в которых больше не было ни привычного блеска, ни умения нравиться. — Я сегодня много ходила. Мы готовили презентацию, потом я поднялась по лестнице, потому что лифт был занят. Это из-за меня?

— Нет, — ответила я твёрдо и поправила край простыни, которым она пыталась прикрыть испачканное платье. — Не ищите сейчас виноватую. Подобное может произойти неза-

висимо от того, лежали вы весь день или прошли по лестнице. Но дальше придётся относиться к рекомендациям серьёзнее.

— Я не могу потерять его, — прошептала она и обеими ладонями обняла живот. — Он так долго его ждал.

Слова показались мне странными. Не «мы ждали», не «я ждала», а именно «он». Я отметила это почти машинально, как отмечала любую деталь, способную что-то объяснить, но не стала задавать вопрос. Возможно, отец ребёнка действительно мечтал о сыне или просто сильнее Алисы переживал за беременность. У меня не было причин придавать одной фразе особое значение.

— Отец ребёнка едет? — уточнила я, проверяя её состояние. — Нам понадобится информация о том, как быстро с ним можно связаться, если вам станет хуже.

Алиса кивнула слишком поспешно. На её лице на мгновение появилась надежда, почти облегчение, будто один только приезд этого мужчины мог исправить всё, что происходило с её телом.

— Да, он уже едет, — сказала она, стирая слёзы тыльной стороной ладони. — Я позвонила сразу. Он обещал быть через несколько минут.

Мы продолжили обследование. Сердце ребёнка билось, и постепенно его движения снова стали заметны, но общая картина не позволяла расслабиться. Кровотечение уменьшилось, состояние Алисы выровнялось, однако тревожные при-

знаки подтверждались. Ей предстояло остаться в клинике, пройти повторную проверку утром и привыкнуть к мысли, что следующие недели будут совсем не такими, как она планировала.

Я объяснила это простыми словами, избегая терминов, от которых испуганному человеку становится только хуже. Алиса слушала, не перебивая, и лишь время от времени прижимала ладонь к животу. Когда я сказала, что сейчас непосредственной угрозы жизни ребёнка не вижу, она закрыла лицо руками и заплакала уже иначе — не от ужаса, а от облегчения, которое тоже иногда причиняет боль.

— Спасибо, — произнесла она сквозь слёзы и попыталась улыбнуться. — Я знала, что нужно ехать сюда. Я знала, что вы не позволите ему умереть.

Мне не понравилась эта уверенность. Не потому, что я не собиралась делать всё возможное, а потому, что врач не может обещать победу над телом, временем и случайностью. Герман часто говорил, что людям необходимо давать надежду, иначе они не выберут нашу клинику. Я отвечала, что надежда без правды превращается в дорогую ложь, но он только улыбался и называл меня слишком суровой.

— Мы не всегда можем решать за жизнь, — сказала я Алисе, аккуратно убирая руку из её пальцев. — Но мы можем не бросать человека одного. Сегодня вы останетесь под наблюдением, а утром соберём нескольких врачей и решим, как действовать дальше.

— Вы будете со мной? — спросила она и тут же добавила, будто боялась показаться требовательной: — Я понимаю, что вы заняты. Просто он говорил, что вы лучшая.

Я посмотрела на неё внимательнее. В устах сотрудницы рекламного отдела эта фраза могла означать что угодно: от искреннего уважения до привычной попытки расположить к себе нужного человека. Но в её голосе прозвучало что-то ещё, слишком личное, словно тот, кто говорил обо мне, делал это часто и подробно.

— Кто говорил? — спросила я, хотя ответ не должен был иметь значения.

Алиса замерла и отвела глаза к окну. За стеклом отражалась ярко освещённая палата, её бледное лицо и моя фигура в белом халате, а дальше начиналась ночная темнота, в которой город продолжал жить, ничего не зная о маленькой катастрофе внутри нашей клиники.

— Руководство, — ответила она после короткой паузы и слишком поспешно поправила волосы. — Все знают, что сложные случаи обычно ведёте вы.

Я не стала ловить её на неловкости. У страха бывают разные проявления, и мне не хотелось превращать медицинский разговор в допрос. Я попросила Нину Павловну подготовить палату, ещё раз проверила, что Алиса поняла главное, и только после этого позволила себе выйти в коридор.

Дверь закрылась за моей спиной мягко, почти бесшумно. Я сняла перчатки, выбросила их и на несколько секунд при-

слонилась ладонями к прохладной стене. Усталость вернулась сразу, тяжёлая и вязкая, но вместе с ней появилось привычное удовлетворение: худшего удалось избежать, по крайней мере пока.

— Вера Андреевна, вам принести кофе? — спросила Нина Павловна, выходя следом. Она посмотрела на меня с той заботливой строгостью, которую позволяла себе только после того, как опасность отступала. — Вы с утра ничего толком не ели.

— Лучше воды, — попросила я и слабо улыбнулась. — Если сейчас выпью кофе, то окончательно забуду, что люди иногда спят.

Нина Павловна покачала головой и направилась к посту, продолжая что-то ворчать о врачах, которые умеют спасти всех, кроме самих себя. Я проводила её взглядом и уже собиралась вернуться в кабинет, когда в конце коридора открылись двери лифта.

Герман вышел быстро, почти выбежал, хотя обычно никогда не позволял себе торопливости на глазах у сотрудников. Его пальто было расстёгнуто, на шее съехал галстук, а волосы, которые он каждое утро укладывал с почти раздражающей тщательностью, растрепались. Я не сразу удивилась его появлению. Герман руководил клиникой, и Нина Павловна вполне могла сообщить ему об экстренном случае с сотрудницей.

Он увидел меня и на секунду остановился. В его лице

мелькнуло выражение, которое я тогда не сумела понять: не просто тревога, не удивление, а короткий страх человека, который пришёл слишком поздно и обнаружил у двери того, кого не хотел здесь видеть.

— Что с ней? — спросил Герман, подходя ближе. Он не поздоровался и даже не спросил, почему я всё ещё в клинике, хотя обычно начинал именно с этого. — С ребёнком всё в порядке?

Я смотрела на него и пыталась понять, почему он говорит о ребёнке раньше, чем о сотруднице. Возможно, Алиса действительно позвонила не только отцу ребёнка, но и руководителю. Возможно, Герман отвечал за неё как за важного работника или просто оказался ближе всех. Объяснений существовало достаточно, и каждое было разумнее того, которое уже медленно поднималось из глубины сознания.

— Кровотечение удалось остановить, состояние сейчас стабильное, — ответила я, невольно переходя на сухой профессиональный тон. — Ребёнок жив, сердце работает нормально. Алиса останется у нас, утром проведём дополнительное обследование.

Герман выдохнул так, будто всё это время не дышал. Его плечи опустились, а на лице появилось облегчение, слишком глубокое и слишком личное для начальника, узнавшего, что сотрудница избежала беды.

— Я могу к ней? — спросил он, уже глядя на дверь палаты. — Она знает, что я приехал?

— Вероятно, ждёт отца ребёнка, — сказала я и сама услышала, как изменился мой голос. — Она сообщила, что он в пути.

Герман посмотрел на меня. Мы прожили вместе двадцать лет, и я умела различать почти все его взгляды: раздражённый, ласковый, усталый, насмешливый, тот, которым он просил поддержать его перед посторонними, и тот, которым вечером напоминал о разговоре, отложенном до дома. Так он не смотрел никогда. В его глазах одновременно появились настороженность и решение, словно он за несколько секунд выбрал между ложью и чем-то другим.

— Вера, — начал он негромко, но договорить не успел.

Дверь палаты приоткрылась, и Алиса позвала:

— Герман?

В одном имени не было ничего недопустимого. Сотрудники часто обращались к нему без отчества, особенно молодые и особенно те, с кем он много работал. Но Алиса произнесла его имя так, как люди зовут только одного человека, когда им страшно: без сомнения, без необходимости объяснять, с уверенностью, что именно он обязан прийти.

Герман отвернулся от меня и вошёл в палату. Он не спросил разрешения и не дождался медсестры, хотя прекрасно знал правила клиники. Я могла остановить его, напомнить, что пациентке нужен покой, но почему-то осталась в коридоре, глядя в узкую щель между дверью и косяком.

Алиса протянула к нему руку. Герман сразу подошёл, сел

на край кровати и накрыл её пальцы своими. Его движения были знакомы мне до боли: так он держал мою руку много лет назад, когда я пришла в себя после рождения Дарьи и ещё не понимала, почему вокруг столько людей и почему никто не даёт мне увидеть дочь.

— Я здесь, — сказал он Алисе и склонился к ней так близко, что его лоб почти коснулся её виска. — Всё хорошо, слышишь? Я приехал.

— Я думала, что потеряю его, — прошептала она и прижалась губами к его пальцам. — Герман, я так испугалась. Я не могла до тебя дозвониться сразу.

Он другой рукой накрыл её живот. Не случайно, не как врач и не как руководитель, желающий успокоить сотрудницу. Его ладонь легла бережно и уверенно, с правом, которое не нуждалось в объяснении.

Внутри меня что-то остановилось. Не сердце, конечно, потому что оно продолжало биться, отдаваясь тяжёлыми ударами в горле, но та часть сознания, которая связывала увиденное с реальностью, отказалась работать. Я смотрела на мужа и молодую беременную женщину, видела их руки, близость лиц, слишком личную тишину между словами и всё равно пыталась придумать другое объяснение.

Возможно, Герман просто поддерживал её. Возможно, она была одна, а он счёл необходимым взять на себя роль человека, которого рядом не оказалось. Возможно, он знал отца ребёнка или обещал ему присмотреть за Алисой. Я хвата-

лась за эти нелепые возможности одну за другой, потому что истина стояла слишком близко и была слишком огромной, чтобы впустить её внутрь целиком.

Герман поднял голову и увидел меня в дверях. Он не отнял руку от живота Алисы. Это стало первым ответом, который он дал без слов.

Алиса проследила за его взглядом и тоже заметила меня. Её лицо изменилось мгновенно. Облегчение исчезло, губы разомкнулись, а пальцы сильнее сжали руку моего мужа.

— Вера Андреевна, — произнесла она, и в её голосе прозвучало столько вины, что все придуманные мной объяснения рассыпались сразу. — Я... Я не хотела, чтобы вы узнали так.

В коридоре кто-то прошёл мимо, послышался негромкий смех, за стеной зазвонил телефон. Мир продолжал двигаться с оскорбительной нормальностью, хотя мой собственный только что раскололся на две части: до этой двери и после неё.

Я вошла в палату и закрыла дверь. Мне казалось, что я должна чувствовать ярость, кричать, ударить кого-то или хотя бы потребовать немедленных объяснений. Вместо этого я подошла к изголовью, посмотрела на показатели и поправила Алисе датчик, который немного сдвинулся.

— Вам нельзя волноваться, — сказала я, и собственный голос показался мне чужим. — Кровотечение может повториться. Сейчас отдыхайте, разговоры отложим.

Алиса заплакала. Она быстро отвернулась к стене, словно не могла выдержать моего спокойствия, а Герман поднялся и наконец убрал руку с её живота.

— Вера, пойдём, — произнёс он негромко и сделал шаг ко мне. — Не здесь.

Я посмотрела на него. На воротнике его рубашки виднелся едва заметный след тонального крема, который раньше я могла бы принять за случайность или не заметить вовсе. Теперь каждая мелочь вдруг обрела смысл, и от этого стало трудно дышать.

— Разумеется, не здесь, — ответила я. — Здесь пациентка, которой нужен покой.

Герман поморщился, будто мой официальный тон был неуместен, но спорить не стал. Он наклонился к Алисе и тихо сказал, что скоро вернётся. Эти слова он произнёс с мягкостью, которой в последние месяцы почти не оставалось в наших домашних разговорах.

Я вышла первой. Мы прошли по коридору мимо дежурного поста, и я чувствовала на себе осторожные взгляды сотрудников. Возможно, никто ничего не понял. Возможно, поняли все. В клинике тайны редко оставались тайнами, особенно когда в них участвовал человек, которого знали в лицо даже те, кто никогда с ним не разговаривал.

Я открыла ближайший свободный кабинет. Это была комната для консультаций, слишком светлая для ночи, с бежевыми стенами, двумя креслами и плакатом, на котором улы-

баюющаяся беременная женщина держала мужа за руку. Раньше изображение казалось мне безвкусным, теперь же стало почти издевательским.

Герман вошёл следом и закрыл дверь. Несколько секунд мы молчали. Он провёл ладонью по лицу, снял пальто и положил его на спинку кресла, словно собирался вести долгий рабочий разговор.

Я осталась стоять. Сесть означало бы признать, что у этой беседы существует нормальная форма, а я пока не могла воспринимать происходящее как нечто, что можно обсудить, разложить по порядку и завершить решением.

— Ребёнок твой? — спросила я, хотя уже знала ответ. Мне всё равно требовалось услышать его вслух, потому что до тех пор, пока слова не прозвучали, оставалась крошечная возможность проснуться в кабинете над засохшим бутербродом.

Герман посмотрел на меня прямо. Он не стал лгать, не отвёл глаза и не попытался изобразить удивление.

— Да, — ответил он спокойно. — Ребёнок мой.

Одно короткое слово разрушило двадцать лет так легко, словно всё наше прошлое держалось не на любви, дочери, доме и общей работе, а на тонкой стеклянной перегородке. Я ждала, что после признания станет больше, но сначала не почувствовала ничего. Пустота оказалась такой полной, что в ней даже боль не могла найти места.

— Как долго? — спросила я и сцепила руки перед собой,

потому что пальцы начали дрожать. — Сколько времени ты спишь с ней?

Герман медленно выдохнул. Его лицо стало усталым, почти раздражённым, будто именно я заставляла его возвращаться к неприятной теме после сложного дня.

— Больше года, — сказал он. — Примерно четырнадцать месяцев.

Я невольно посмотрела на календарь, висевший над столом. Четырнадцать месяцев. За это время мы праздновали годовщину, ездили на несколько дней к морю, выбирали новый диван, навещали Дарью в общежитии и строили планы на осень. Герман дарил мне серьги, которые я сегодня надела, и однажды ночью, когда мне не спалось, обнял со спины и сказал, что не представляет, как жил бы без меня.

Где-то внутри этих месяцев существовала Алиса. Она ждала его сообщений, встречала в чужой квартире, слушала обещания, а потом приходила в клинику и здоровалась со мной в коридоре.

— Она знала, что мы живём вместе? — спросила я, заставляя себя не отводить взгляда. — Знала, что наш брак не существует только на бумаге?

— Алиса знала, что всё сложно, — ответил Герман после короткой паузы. — Я не собирался обсуждать с ней подробности наших отношений.

— наших отношений? — переспросила я, и пустота наконец дала первую трещину. — Ты больше года спал с моей

сотрудницей, но решил, что подробности нашего брака её не касаются?

— Она не твоя сотрудница, Вера, — поправил он с той терпеливой интонацией, которой обычно объяснял собеседнику очевидную ошибку. — Она работает в клинике, а не лично у тебя.

Я посмотрела на него и впервые ощутила не только боль, но и почти холодное изумление. Герман действительно счёл важным уточнить именно это. Не то, что предал меня, не то, что Алиса носила его ребёнка, а неправильное употребление слова.

— Беременность случайная? — спросила я, хотя всё во мне уже понимало, что ответ окажется хуже любого предположения. — Или вы оба знали, что делаете?

Герман опустил глаза, но лишь для того, чтобы поправить манжету рубашки. На его пальце блеснуло обручальное кольцо. Он продолжал носить его, приезжая к Алисе, касаясь её живота и ожидая рождения ребёнка.

— Не случайная, — ответил он наконец. — Я хотел ребёнка. Она тоже хотела.

Мне показалось, что воздух в кабинете стал тяжелее. Я сделала вдох, но он не дошёл до лёгких, остановившись где-то под рёбрами.

— Ты хотел ребёнка, — повторила я медленно. — И решил завести его с другой женщиной, не сказав жене.

— Я знал, как ты отреагируешь, — произнёс Герман и

слегка развёл руками, словно мой нынешний вид подтверждал разумность его решения. — Ты бы сразу превратила всё в вопрос предательства, хотя дело не только в этом.

— А в чём ещё? — спросила я и услышала, как мой голос стал тише. — Объясни мне, Герман. Я хочу понять, чем именно является мужчина, который год готовит ребёнка за спиной у жены, если не предателем.

Он прошёл к окну и остановился спиной ко мне. За стеклом виднелись огни парковки и отражение кабинета, в котором мы казались двумя посторонними людьми. Мне вдруг пришло в голову, что, возможно, он репетировал этот разговор много раз, подбирал слова и представлял мою реакцию, но реальность всё равно застала его неподготовленным.

— После Дарьи у нас больше не могло быть детей, — сказал Герман, глядя в окно. — Мы приняли это, потому что другого выхода не было. Но принятие не означает, что желание исчезло.

Фраза ударила точнее, чем признание в измене. Я вспомнила белый потолок реанимации, боль, голоса врачей и Германа, который сидел рядом, сжимая мою руку. Тогда он говорил, что ему не нужен никто, кроме меня и Дарьи, что наша дочь — больше, чем он смел просить у жизни, и что я никогда не должна винить себя.

— Ты сказал, что тебе достаточно Дарьи, — произнесла я. Губы плохо слушались, но я продолжила: — Ты сказал, что сын тебе не нужен. Что ты счастлив.

Герман обернулся. В его лице мелькнуло что-то похожее на сожаление, но не о поступке, а о необходимости говорить неприятную правду.

— Тогда я пытался поддержать тебя, — объяснил он. — Ты едва не умерла, Вера. Что ещё я должен был сказать?

Я смотрела на него и понимала, что двадцать лет хранила его слова как одно из самых дорогих доказательств любви. Оказалось, для него это была всего лишь подходящая реплика у больничной кровати.

— Значит, ты лгал мне ещё тогда? — спросила я, не повышая голоса. — Смотрел на меня после операции и говорил то, во что сам не верил?

— Я верил, что мы справимся, — раздражённо ответил он. — И мы справились. Мы воспитали дочь, построили клинику, прожили хорошую жизнь. Но мне сорок восемь, и я понял, что всё ещё хочу сына. Разве само желание делает меня чудовищем?

— Желание нет, — сказала я и почувствовала, как дрожь поднимается от пальцев к плечам. — Чудовищем тебя делает то, что ты решил исполнить его за моей спиной и вернуться домой к ужину, будто ничего не произошло.

Герман помолчал. Затем подошёл ближе, однако я сразу сделала шаг назад, и он остановился.

— Я собирался рассказать, — произнёс он уже мягче. — Не сегодня и не так, но собирался.

— Когда? — спросила я. — После рождения? Когда ты

принёс бы ребёнка домой? Или когда Алиса сама прислала бы мне фотографию?

— После того как опасный срок останется позади, — ответил Герман. — Беременность была сложной с самого начала. Не имело смысла разрушать всё, пока мы не знали, получится ли вообще сохранить ребёнка.

Я несколько секунд не могла ничего сказать. Он произнёс это так, будто откладывал неприятное собрание до получения окончательных цифр. Сначала нужно было убедиться, что тайный сын выживет, и только потом сообщить жене, что её жизнь уже изменилась.

— Ты решил, что, если ребёнок погибнет, я ничего не должна знать? — спросила я. — Ты собирался похоронить его вместе с правдой и продолжить жить со мной?

— Не говори так, — резко отозвался Герман. На его лице впервые появилась настоящая боль, но относилась она не ко мне. — Ребёнок жив.

Я услышала главное. Мы стояли в нескольких метрах друг от друга, и даже сейчас его сильнее ранила мысль о возможной потере сына, чем реальность потери нашего брака.

— Да, — ответила я после паузы. — Пока жив. Алиса тоже пока вне опасности.

Герман сразу собрался, словно разговор о нас оказался менее важным, чем медицинские подробности. Он спросил, что показало обследование, насколько вероятно повторное кровотечение и можно ли сохранить беременность ещё

несколько недель.

Я ответила коротко и осторожно. Несмотря на происхождение, он оставался отцом ребёнка, а я оставалась врачом, только что оказавшим помощь. Но когда Герман начал задавать вопросы так уверенно, будто моё участие в дальнейшем уже решено, я остановила его.

— Завтра Алису осмотрит другая команда, — сказала я, выпрямившись. — Я передам всю информацию дежурному врачу и утром официально откажусь быть её лечащим специалистом.

Герман нахмурился. Впервые с начала разговора он выглядел не виноватым и не усталым, а искренне удивлённым.

— Почему? — спросил он так, будто не понимал причины.

Я даже рассмеялась, хотя смех получился коротким и болезненным. Мне пришлось опереться пальцами о край стола, чтобы не пошатнуться.

— Ты действительно спрашиваешь? — произнесла я. — Я только что узнала, что эта женщина больше года спит с моим мужем и носит его ребёнка. Ты считаешь, что после этого я должна наблюдать её беременность?

— Ты уже оказала ей помощь, — возразил Герман, и в его голосе появилась привычная деловая твёрдость. — Значит, способна отделять личное от профессионального.

— Экстренная помощь и месяцы наблюдения — не одно и то же, — ответила я. — Сегодня передо мной была женщина

с кровотечением. Я сделала то, что сделала бы для любой пациентки. Завтра у неё будет другой врач.

— Другой врач не знает её случай так, как ты, — сказал он и подошёл ещё на шаг. — Ты видела всё первой. Ты лучше всех умеешь работать с такими осложнениями.

— В клинике достаточно специалистов, — произнесла я, ощущая, как внутри начинает подниматься ярость. — Ты сам много лет рассказывал, что «Колыбель» держится не на одном человеке. Вот и проверишь.

Герман сжал челюсть. Его терпение, которым он так гордился, начало истончаться.

— Вера, сейчас речь не о нас, — сказал он и понизил голос, словно пытался вернуть разговор в разумные рамки. — Речь о ребёнке.

— Нет, Герман, — возразила я, глядя ему в глаза. — Сейчас речь как раз о нас. О том, что ты сделал, и о том, что собираешься делать дальше.

— Я не прошу тебя простить меня сегодня, — ответил он, стараясь говорить спокойно. — Можешь злиться, ненавидеть, уехать домой одна. Но ты не имеешь права подвергать Алису и ребёнка риску только потому, что тебе больно.

Я смотрела на него и чувствовала, как каждая фраза разрушает последнюю возможность поверить, что передо мной находится мужчина, которого я любила. Герман не просил прощения и не признавал, что поставил меня в невыносимое положение. Он уже превращал мою боль в нравственный

недостаток, а собственное предательство — в испытание моего профессионализма.

— Ты привёл беременную любовницу в клинику, которую мы строили вместе, — сказала я медленно, стараясь не сорваться на крик. — Спрятал её здесь, позволил мне первой оказывать ей помощь и теперь обвиняешь меня в том, что я не хочу месяцами смотреть, как растёт твой сын.

— Я никого сюда не приводил, — возразил Герман. — У неё началось кровотечение, она вызвала такси и приехала в лучшее место, которое знала.

— Почему она не наблюдалась здесь раньше? — спросила я. — Потому что ты боялся, что я узнаю?

Он отвёл взгляд, и этого оказалось достаточно.

— Я хотел избежать лишних разговоров, — признал Герман. — Не только с тобой. Сотрудникам совершенно не обязательно знать, кто отец ребёнка.

— Разумеется, — сказала я. — До тех пор, пока мне не пришлось спасти его ночью.

— Ты всё превращаешь в личное унижение, — устало произнёс он. — Я понимаю, что тебе больно. Но Алиса сейчас в палате, она напугана, а наш сын может родиться слишком рано. Это объективная реальность, с которой придётся иметь дело.

Наш сын. Он произнёс эти слова естественно, без запинки, и я поняла, что говорил так уже много раз. Возможно, в той самой квартире, оплаченной неизвестно кем, он клал

ладонь на живот Алисы и называл ребёнка нашим, пока я сидела дома, ждала его к ужину и отвечала Дарье, что отец опять задержался на работе.

— Не называй его так при мне, — попросила я, хотя голос стал почти беззвучным.

— Как? — Герман нахмурился.

— Нашим, — пояснила я. — У вас с Алисой может быть что угодно. Но не произноси «наш сын» так, будто я обязана входить в это «мы».

На мгновение Герман растерялся. Затем его лицо снова стало спокойным, и именно это спокойствие оказалось страшнее.

— Ты сейчас в шоке, — сказал он, словно ставил диагноз. — Поэтому я не стану продолжать этот разговор. Поезжай домой, поспи, а утром мы всё обсудим нормально.

— Домой? — переспросила я. — В наш дом?

— Да, Вера, в наш дом, — ответил он с лёгким раздражением. — Он никуда не исчез из-за того, что ты узнала правду.

Я смотрела на мужа и вдруг поняла: он действительно не собирался уходить. Не только сегодня. В его голове измена, беременность, тайный ребёнок и наш брак каким-то образом существовали одновременно, не уничтожая друг друга. Герман не выбирал между мной и Алисой, потому что считал само требование выбора нелепым.

— Ты вернёшься сегодня домой? — спросила я, уже зная ответ.

Он взглянул на дверь, за которой лежала Алиса, и едва заметно нахмурился.

— Я останусь здесь, пока не пойму, что с ними всё в порядке, — сказал Герман. — Ты сама сказала, что кровотечение может повториться.

— С ними, — повторила я. — А я, значит, могу поехать домой и поспать.

— Не начинай, — произнёс он и потёр переносицу. — Я не могу разорваться между двумя палатами, тем более что тебе медицинская помощь не нужна.

В другой момент я, возможно, ударила бы его. Не из-за измены, даже не из-за ребёнка, а из-за этой фразы, в которой заключалась вся его логика. Алиса нуждалась в нём, потому что лежала в палате, сын нуждался в нём, потому что мог появиться слишком рано, а моя боль не имела значения, поскольку не измерялась давлением, кровопотерей или показаниями прибора.

Я медленно сняла обручальное кольцо. Пальцы опухли после долгого дня, металл не хотел проходить через сустав, и несколько секунд мне пришлось тянуть сильнее. На коже осталась светлая полоса, почти белая на фоне покрасневшего пальца.

Герман следил за моими движениями. Его лицо изменилось, в глазах впервые появилось что-то похожее на тревогу.

— Не устраивай спектакль, — сказал он тише. — Не здесь.

— Ты прав, — ответила я и положила кольцо на стол между нами. — Спектакль длился четырнадцать месяцев. Я просто перестала в нём участвовать.

Он посмотрел на кольцо, но не взял его. Несколько мгновений мы молчали, и я почти ждала, что Герман наконец скажет что-то человеческое. Что попросит прощения, признает свою жестокость, хотя бы попробует удержать меня не приказом и не рассуждениями о клинике.

Вместо этого он спросил:

— Кто будет вести Алису, если ты откажешься?

Я закрыла глаза. Ответ оказался настолько ожидаемым, что даже боль на секунду исчезла, уступив место усталому отчаянию.

— Завтра решит медицинский совет, — сказала я, снова надевая на себя привычное спокойствие. — Я изложу всё, что увидела сегодня, и заявлю о личном конфликте. Это единственно правильный вариант.

— Нет, — произнёс Герман.

Я открыла глаза и посмотрела на него. Он стоял по другую сторону стола, высокий, собранный, уверенный в своём праве остановить решение одним словом.

— Что значит «нет»? — спросила я.

— Это значит, что ты не откажешься, — ответил он уже без попытки смягчить голос. — Ты останешься главным специалистом. Можно назначить другого лечащего врача, если тебе так будет проще, но все важные решения будешь при-

нимать ты.

— Я не буду, — сказала я. — И ты не можешь заставить меня.

— Могу потребовать от главного врача выполнять обязанности, — возразил Герман. — Особенно если речь идёт о сложной пациентке нашей клиники.

— Сейчас ты разговариваешь с женой или с сотрудницей? — спросила я, и по его лицу поняла, что вопрос ему не понравился.

— Сейчас я разговариваю с человеком, который умеет спасать жизни, — ответил он. — И пытаюсь не позволить этому человеку совершить ошибку из-за эмоций.

Я медленно обошла стол. Между нами осталось меньше шага, но близость больше не казалась привычной. Я чувствовала запах его парфюма, тот самый, который сама подарила на прошлый день рождения, видела серебристую нить у виска и крошечный шрам на подбородке, оставшийся после студенческой драки. Я знала этого мужчину лучше, чем кого-либо, и одновременно не знала совсем.

— Послушай меня внимательно, Герман, — произнесла я негромко, и он действительно замолчал. — Сегодня я помогла Алисе не потому, что она твоя любовница, не потому, что носит твоего сына, и не потому, что ты имеешь право требовать от меня жертвы. Я помогла ей, потому что она оказалась передо мной и нуждалась во враче. На этом моё личное участие заканчивается.

— Ты не можешь отделаться от неё так легко, — сказал он. — Ты уже знаешь её состояние.

— Я передам информацию другому специалисту.

— Она доверяет тебе.

— Она лгала мне больше года.

— Она не обязана была отчитываться перед тобой о личной жизни, — резко ответил Герман. — Не сваливай на неё нашу проблему.

— Нашу? — переспросила я. — Наконец-то ты признал, что проблема существует между нами?

Он сжал губы и несколько секунд молчал. Потом его голос снова стал тихим, почти примирительным.

— Вера, я понимаю, что причинил тебе боль, — сказал Герман и впервые за весь разговор протянул ко мне руку. — Но случившегося уже не изменить. Ребёнок существует. Алиса существует. Нам придётся найти способ жить дальше, не разрушив всё остальное.

Я отступила, не позволив ему коснуться меня. Его ладонь повисла в воздухе, а затем медленно опустилась.

— Ты уже нашёл способ, — ответила я. — Себе оставил жену, любовницу, сына, дом и клинику. Мне оставил обязанность всё это принять.

— Я ничего у тебя не отнимаю, — возразил он с искренним недоумением. — Ты остаёшься собой. У тебя есть работа, дом, дочь, уважение людей. Почему появление ребёнка должно уничтожить твою жизнь?

Эта фраза окончательно показала мне пропасть между нами. Герман действительно считал, что жизнь женщины состоит из имущества, должности и набора привычных обязанностей. Если стены дома оставались на месте, клиника продолжала работать, а дочь была жива, значит, ничего существенного у меня не забрали.

— Потому что моим мужем оказался человек, которого я не знала, — сказала я. — Этого достаточно.

За дверью слышались шаги, затем короткий стук. Нина Павловна приоткрыла дверь и посмотрела сначала на меня, потом на Германа. Она слишком долго работала рядом с нами, чтобы не заметить кольцо на столе и выражение наших лиц, однако не задала ни одного вопроса.

— Вера Андреевна, Алиса Сергеевна снова зовёт вас, — сообщила она осторожно. — Говорит, что усилилась боль. Показатели пока стабильные, но она очень напугана.

Я сразу повернулась к двери. Что бы ни происходило в этом кабинете, пациентка оставалась пациенткой до тех пор, пока я не передала её другому врачу.

Герман шагнул следом, но я остановила его взглядом.

— Подожди здесь, — сказала я. — Сначала я должна понять, что происходит.

— Я пойду с тобой, — возразил он.

— Нет, — ответила я твёрдо. — Сейчас она моя пациентка, а ты человек, из-за которого она волнуется. Останься.

Он хотел спорить, но Нина Павловна всё ещё стояла у две-

ри, и Герман не любил выяснять отношения при сотрудниках. Он кивнул, хотя по напряжению в его лице было видно, что уступка далась ему тяжело.

В палате Алиса лежала на боку и тихо плакала. Боль не усилилась опасно, показатели оставались стабильными, но страх после нашего ухода сделал своё дело. Она увидела меня и сразу попыталась приподняться.

— Он вам всё рассказал? — спросила она, забыв о боли. — Вера Андреевна, я понимаю, как это выглядит, но вы должны знать, что Герман собирался всё решить.

Я подошла к кровати и мягко заставила её снова лечь. Мне пришлось несколько раз вдохнуть, прежде чем я смогла говорить спокойно.

— Сейчас мы не будем обсуждать Германа, — сказала я, проверяя её состояние. — Любое волнение вам вредит. Вы должны сосредоточиться на себе и ребёнке.

— Но вы же не уйдёте? — Алиса схватила меня за запястье. — Он говорил, что вы не бросаете сложных пациентов. Он говорил, что, если что-то случится, только вы сможете нас спасти.

Я замерла. Герман заранее пообещал ей меня. Возможно, ещё до беременности, возможно, когда впервые узнал о рисках. Он распорядился моими знаниями так же легко, как назначал кабинет, машину или деньги.

— Вам назначат хорошего врача, — ответила я и осторожно освободила руку. — В «Колыбели» достаточно специали-

стов.

Алиса побледнела ещё сильнее. Она смотрела на меня с ужасом, который теперь относился не только к ребёнку.

— Вы отказываетесь из-за меня? — спросила она. — Я понимаю, что вы меня ненавидите, но малыш ни в чём не виноват.

Слова были слишком похожи на те, которые только что произносил Герман. Я не знала, сама ли Алиса так думала или повторяла его доводы, но почувствовала, как внутри поднимается новая волна боли.

— Я не ненавижу вас, — сказала я после паузы. — Пока нет. Я слишком мало понимаю, чтобы ненавидеть правильно.

Алиса закрыла глаза, и по её щекам снова потекли слёзы. На мгновение мне стало её жаль, но следом я вспомнила четырнадцать месяцев, её улыбки в коридоре, съёмки, разговоры, возможно, даже те вечера, когда она знала, что Герман вернётся ко мне домой после встречи с ней.

— Он сказал, что ваш брак давно закончился, — прошептала Алиса, не открывая глаз. — Что вы живёте вместе только из-за клиники и Дарьи.

Я почувствовала, как что-то болезненно сжалось в груди. Вот она, первая версия нашей жизни, рассказанная женщине, которой нужно было поверить, что она не разрушает чужую семью.

— Неделию назад мы выбирали мебель в спальню, — ответила я, хотя не собиралась оправдываться. — В прошлом ме-

сяще ездили к дочери. Сегодня утром Герман поцеловал меня перед работой и спросил, что приготовить на выходных.

Алиса открыла глаза. В них мелькнуло неверие, но следом появилась растерянность.

— Он говорил, что вы давно не живёте как муж и жена,
— произнесла она.

— Значит, кому-то из нас он лгал, — сказала я. — Возможно, обоим.

Она отвернулась. Я не стала продолжать, потому что видела, как учащается её дыхание. Сейчас правда могла подождать, как бы сильно мне ни хотелось заставить Алису посмотреть на неё.

Я закончила осмотр, убедилась, что угрозы нет, и попросила медсестру дать ей возможность отдохнуть. Перед выходом Алиса снова позвала меня.

— Вера Андреевна, — произнесла она тихо и прижала ладонь к животу. — Он правда очень хотел этого ребёнка.

Я остановилась у двери. В её голосе прозвучало странное оправдание, будто сильное желание мужчины могло объяснить всё, что он сделал с нами.

— Я тоже много чего хотела, — ответила я, не поворачиваясь. — Но почему-то считала, что брак означает необходимость говорить об этом с мужем.

В коридоре меня ждал Герман. Он стоял у окна, но, увидев меня, сразу подошёл.

— Что случилось? — спросил он. — Ей хуже?

— Нет. Она напугана.

— Тогда я побуду с ней.

— Хорошо, — ответила я. — Но не обсуждай лечение и не обещай то, чего не можешь гарантировать.

Герман нахмурился, словно я необоснованно ограничивала его права. Затем заметил, что я направляюсь к лифту, и схватил меня за локоть.

— Куда ты идёшь? — спросил он.

Я посмотрела на его пальцы, сжавшие мою руку. Когда-то это прикосновение могло остановить меня, успокоить или заставить повернуться к нему. Теперь я чувствовала только чужую хватку.

— Домой, — ответила я. — Кажется, ты сам советовал мне поспать.

— Мы не закончили разговор.

— Сегодня закончили.

— Вера, — произнёс Герман с предупреждением и ослабил пальцы, но не отпустил меня полностью. — Не принимай решений в таком состоянии.

Я медленно высвободила руку. На коже остались красные следы.

— Каком именно? — спросила я. — В состоянии женщины, которая узнала, что муж больше года спит с её сотрудницей? Или в состоянии врача, которого ты решил назначить личной прислугой для своей второй семьи?

— Не говори глупостей, — резко ответил он. — Никто не

делает из тебя прислугу.

— Ты требуешь, чтобы я наблюдала беременность твоей любовницы.

— Я требую, чтобы лучший врач не бросал сложную пациентку.

— Потому что эта пациентка носит твоего сына.

— Потому что от твоего решения зависят две жизни! — Герман наконец повысил голос, но тут же оглянулся на пост и снова заговорил тише. — Ты можешь ненавидеть меня сколько угодно, но не имеешь права переносить это на ребёнка.

Я смотрела на него и понимала, что он уже придумал историю, в которой оставался не изменником, а заботливым отцом. В этой истории я становилась обиженной женщиной, готовой рисковать младенцем из мести, а Алиса — невинной матерью, которую следовало защитить. Чем спокойнее Герман произносил эти слова, тем яснее становилось: он действительно верил в собственную правоту.

— Я не переносу ничего на ребёнка, — сказала я. — Если ночью снова возникнет опасность и я окажусь рядом, я помогу. Но дальше Алису будет вести другой специалист.

Герман покачал головой. В его взгляде появилось почти снисходительное сожаление, словно я была способным, но упрямым человеком, которого всё равно придётся заставить поступить разумно.

— Ты передумашь, — произнёс он. — Утром успоко-

ишься и поймёшь, что другого выхода нет.

— Выход есть всегда, — ответила я. — Просто тебе не нравится тот, в котором я выбираю не тебя.

Он сделал шаг ближе. За стеклом палаты виднелась Алиса, лежавшая под белым одеялом, и мягкое мерцание приборов рядом с ней. Герман посмотрел туда, затем снова на меня, и его лицо окончательно стало лицом человека, привыкшего получать желаемое.

— Речь сейчас не обо мне, — сказал он с холодной уверенностью. — И даже не о тебе. Ты только что спасла моего сына. И роды примешь тоже ты.

Глава 2. У каждой из вас своё место

Несколько секунд я смотрела на Германа, пытаюсь понять, действительно ли он произнёс эти слова вслух. В коридоре клиники было тихо, только за стеклянной дверью поста негромко переговаривались медсёстры, а в палате Алисы мерно работали приборы. Всё вокруг существовало в привычном порядке, и от этого его заявление казалось ещё страшнее: муж не сорвался, не потерял голову, не сказал жестокость от испуга. Он стоял передо мной совершенно спокойный и заранее уверенный, что я подчинюсь.

— Ты ошибаешься, — сказала я, медленно отступая к лифту. Голос не дрогнул, хотя внутри меня всё уже дрожало — руки, колени, сердце, сама способность верить в прожитые рядом с ним годы. — Сегодня я оказала экстренную помощь. Дальше Алису будет вести другой врач, а ты будешь объяснять ей, почему обещал то, чем не имел права распоряжаться.

Герман нахмурился, но не пошёл следом сразу. Он несколько мгновений разглядывал меня так, будто пытался решить, имею ли я право уйти посреди разговора, который он ещё не закончил, а затем всё-таки сделал шаг вперёд и нажал кнопку лифта раньше меня.

— Я поеду с тобой, — произнёс он ровно, убирая телефон в карман. — Нужно поговорить дома, а не выяснять отношения в коридоре, где нас видят сотрудники.

Мне хотелось спросить, когда именно мнение сотрудников стало для него важнее мнения жены, но сил на очередную бессмысленную реплику не осталось. Я молча вошла в открывшийся лифт, встала у дальней стены и отвернулась к зеркалу, потому что не могла выдержать его отражение рядом со своим. На моём лице всё ещё лежал профессиональный грим спокойствия: собранные волосы, бледные губы, тонкие морщины у глаз, появившиеся после слишком многих бессонных ночей. Герман выглядел усталым и встревоженным, но не уничтоженным, и эта разница между нами была почти оскорбительной.

— Ты же сказал, что останешься с Алисой, — напомнила я, когда двери закрылись и тесное пространство заставило нас стоять почти плечом к плечу. Я не смотрела на него, но видела краем глаза, как он повернул голову. — Несколько минут назад она была достаточно важна, чтобы ты не мог оставить её одну.

— Я договорился с Ниной Павловной, она сообщит, если состояние изменится, — ответил Герман, будто речь шла об обычной организации дежурства. — Алисе сейчас нужен покой, а нам необходимо разобраться до утра.

— Нам нечего разбирать до утра, — сказала я, прижимая ладонь к холодной металлической стенке. — Ты больше го-

да спишь с другой женщиной, она носит твоего ребёнка, а я узнала об этом после того, как остановила у неё кровотечение. Даже ты не сможешь превратить это в рабочее недоразумение.

— Я и не пытаюсь, — произнёс он с лёгким раздражением. — Я пытаюсь не позволить тебе уничтожить всё за одну ночь, пока ты не способна мыслить спокойно.

Я повернулась к нему так резко, что он на мгновение отступил. В зеркале за его спиной отразились наши лица, и я вдруг увидела нас будто со стороны: известные врачи, семейная пара, люди, которых фотографировали на юбилеях и благотворительных вечерах, потому что мы якобы олицетворяли надёжность. На самом деле рядом со мной стоял мужчина, который считал мою боль временным помутнением рассудка.

— Осторожнее, Герман, — произнесла я негромко, заставляя каждое слово прозвучать отчётливо. — Ещё раз скажешь, что я не способна мыслить, и я начну отвечать не как жена, которую ты обманул, а как женщина, которую ты пытаешься объявить неадекватной.

Он задержал на мне взгляд, но спорить не стал. Лифт остановился, двери разъехались, и мы вышли в пустой вестибюль, где ночной охранник поднялся из-за стойки и привычно пожелал нам доброй ночи. Герман кивнул ему, а я не смогла ответить, потому что пожелание показалось издевательским: доброй эта ночь уже не могла стать ни при каких

обстоятельствах.

На парковке моросил мелкий дождь. Герман направился к своей машине и открыл передо мной пассажирскую дверь, словно всё ещё оставался заботливым мужем, который не позволит жене ехать уставшей после долгой смены. Я остановилась в нескольких шагах и достала из сумки ключи от своей машины.

— Я поеду отдельно, — сказала я, нажимая кнопку сигнализации. Фары вспыхнули в другом конце парковки, и этот слабый свет показался мне единственным направлением, которое я могла выбрать сама. — Не хочу сидеть рядом с тобой даже двадцать минут.

— Ты едва стоишь на ногах, — возразил Герман и закрыл дверь чуть сильнее, чем требовалось. — Не устраивай бессмысленный риск только ради демонстрации.

— Я четырнадцать часов принимала решения, от которых зависели чужие жизни, — ответила я, направляясь к своей машине. — Думаю, с дорогой до дома справлюсь без твоего руководства.

Он не стал удерживать меня при охраннике, но сел в автомобиль почти одновременно со мной и выехал следом. Всю дорогу его фары отражались в зеркале заднего вида, и я чувствовала себя не женой, возвращающейся домой, а человеком, которого сопровождают к месту допроса. Несколько раз телефон на пассажирском сиденье загорался от сообщений, но я не читала их. Мне не хотелось знать, пишет ли Герман,

звонит ли Нина Павловна или, возможно, Алиса уже спрашивает, куда исчез мужчина, который обещал быть рядом.

Город за окнами был почти пустым. Светофоры переключались для редких машин, дождь превращал фонари в расплывчатые золотые пятна, а я ехала по знакомому маршруту и вспоминала другие ночи, когда мы возвращались вместе. Иногда после тяжёлых дежурств Герман брал меня за руку на светофоре, иногда останавливался у круглосуточной кофейни и покупал два горячих стакана, хотя я всегда говорила, что ночью не пью кофе. Тогда его настойчивость казалась заботой. Теперь я думала о том, сколько раз он касался моей руки после того, как несколькими часами раньше обнимал Алису.

Ворота открылись автоматически, и я въехала во двор первой. Дом встретил меня мягким светом у крыльца, тёмными окнами второго этажа и знакомым силуэтом старой яблони, которую мы посадили в год поступления Дарьи в школу. Я долго считала это место доказательством того, что мы состоялись: здесь росла наша дочь, здесь проходили праздники, здесь мы с Германом сидели летними вечерами на террасе и строили планы. Теперь стены не изменились, но дом уже казался декорацией, внутри которой годами шёл спектакль без моего ведома.

Герман вошёл через минуту после меня и сразу включил свет в гостиной. Я сняла туфли в прихожей, поставила сумку на тумбу и заметила, что рядом с ключами лежит его дорогая

зажигалка, хотя он бросил курить пять лет назад. Раньше я бы решила, что её оставил кто-то из гостей. Теперь в каждой детали появлялась скрытая жизнь, и я больше не знала, какие вещи в собственном доме принадлежат правде.

— Тебе нужно выпить воды и сесть, — сказал Герман, проходя на кухню. Он открыл шкаф, достал стакан и налил воду так привычно, будто наша ночь закончилась обычной ссорой. — Мы поговорим спокойно, без истерик и обвинений, иначе не придём ни к чему разумному.

— Я не просила воды, — ответила я, оставаясь в дверях. — И не обещала разговаривать так, чтобы тебе было удобно.

Он поставил стакан на стол и повернулся ко мне. В ярком кухонном свете Герман выглядел старше, чем несколько часов назад: у рта обозначились глубокие складки, на подбородке проступила седина, а глаза покраснели от усталости. Но мне не было его жаль, потому что эту усталость он выбрал сам, как выбрал Алису, тайные встречи и ребёнка.

— Хорошо, — произнёс он после короткой паузы и положил ладони на край стола. — Спрашивай. Я отвечу настолько честно, насколько смогу.

— Насколько сможешь? — переспросила я и медленно прошла к окну. За стеклом его машина блестела под дождём, и мне вдруг стало интересно, сидела ли Алиса на пассажирском месте, поправляла ли зеркало, оставляла ли запах духов. — После четырнадцати месяцев лжи ты заранее оставляешь себе право не говорить всей правды?

— Некоторые подробности только причинят тебе дополнительную боль, — пояснил Герман, стараясь говорить мягко. — Я не вижу смысла превращать разговор в перечисление гостиниц, ресторанов и дат.

— А я вижу, — ответила я, поворачиваясь к нему. — Мне нужно понять, где именно проходила моя жизнь, пока ты строил другую.

Он закрыл глаза на секунду, будто собирался с терпением. Я слишком хорошо знала этот жест: так Герман выглядел перед сложной встречей, когда собеседник не соглашался с его очевидными аргументами. Даже теперь он относился ко мне как к человеку, которого необходимо правильно провести через неприятную информацию.

— Всё началось после прошлогоднего благотворительного вечера, — сказал он наконец. — Мы с Алисой задержались в клинике, потом поехали обсудить кампанию в ресторан. Я выпил больше обычного, она тоже. В ту ночь мы оказались вместе.

Я вспомнила тот вечер. Я сама не пришла на благотворительный ужин, потому что у пациентки начались осложнения, и несколько часов провела в операционной. Герман вернулся домой около трёх ночи, разбудил меня, когда лёг рядом, и сказал, что мероприятие прошло блестяще. Утром он принёс кофе в спальню и поцеловал меня в висок.

— И после одной случайной ночи всё продолжилось больше года, — произнесла я. — Значит, случайность быстро

превратилась в очень удобную привычку.

— Это не было привычкой, — возразил Герман, нахмурившись. — Между нами возникли чувства.

— Любовь? — спросила я, и это слово царапнуло горло сильнее, чем я ожидала. — Ты любишь её?

Он не ответил сразу. Подошёл к столу, переставил нетронутый стакан и провёл пальцем по влажному ободку, хотя в кухне всегда лежали салфетки. Его молчание оказалось достаточно длинным, чтобы я успела услышать несколько возможных ответов и испугаться каждого.

— Я к ней привязан, — сказал Герман наконец. — Она важна мне, особенно сейчас. Но любовь — слишком простое слово для того, что существует между взрослыми людьми.

— Когда ты говорил, что любишь меня, слово почему-то не казалось тебе простым, — заметила я, и он отвёл взгляд. — Или со временем выяснилось, что взрослость нужна только для объяснения предательства?

— Я люблю тебя, — произнёс Герман спокойно, почти буднично. — Именно поэтому не собирался уходить.

Я почувствовала, как внутри поднимается что-то похожее на смех, но не позволила ему вырваться. Слова, которые когда-то могли удержать меня рядом с ним в любой беде, теперь прозвучали настолько нелепо, что стали ещё одним оскорблением.

— Ты любишь меня, спишь с другой женщиной и сознательно заводишь с ней ребёнка, — сказала я, подходя ближе

к столу. — В твоём мире эти три вещи не противоречат друг другу?

— Не обязательно, — ответил он, и в его тоне не было ни вызова, ни стыда. — Вера, нам давно не двадцать лет. Наш брак не держится только на страсти или ежедневной близости. Мы партнёры, родители, люди, которые построили общее дело и прошли через слишком многое, чтобы перечеркнуть всё из-за одной части жизни.

— Из-за одной части? — повторила я, чувствуя, как пальцы сами сжимаются в кулаки. — Ты называешь другую женщину и ребёнка одной частью жизни, которую можно спокойно пристроить сбоку?

— Я говорю, что человек сложнее одной роли, — объяснил Герман. Он сел, но тут же поднялся снова, словно не мог найти положение, в котором разговор перестал бы давить на него. — Мы с тобой создали семью, клинику, имя. Алиса не отнимает у тебя ничего из этого.

— Она уже отняла у меня мужа, — сказала я.

— Нет, — отрезал он и впервые повысил голос. Затем сразу взял себя в руки и продолжил тише: — Я здесь. Я не собирался бросать тебя, продавать дом или исчезать из жизни Дарьи. Я хотел найти решение, при котором никто не останется разрушен.

— И поэтому решил, что разрушенной останусь только я, но буду достаточно воспитанной, чтобы этого не показывать, — ответила я. — Очень рациональный план.

Герман сжал губы. Я видела, как ему хотелось обвинить меня в преувеличении, но он понимал, что очередное замечание о моих эмоциях только усилит ссору. Вместо этого он подошёл к кофемашине, нажал кнопку и несколько секунд стоял, слушая гул механизма.

— Мы с тобой давно живём иначе, чем в первые годы, — сказал он, не оборачиваясь. — У нас разные графики, разные интересы. Иногда мы неделями видимся только утром и ночью. Ты сама говорила, что клиника стала нашим вторым ребёнком.

— Я говорила это с нежностью, — ответила я. — Не предлагала зачать третьего на стороне.

Он повернулся, держа чашку, и посмотрел на меня с усталой укоризной. Этот взгляд особенно злил, потому что делал виноватой мою неспособность понять его взрослую сложность.

— После того, что произошло при рождении Дарьи, тема детей всегда была для нас запретной, — произнёс Герман осторожнее. — Я не мог сказать тебе, что желание не исчезло. Ты бы слышала только обвинение в своей неспособности родить.

— И потому решил, что гораздо милосерднее будет тайно забеременеть другую, — сказала я. — Поразительно, как легко ты называешь трусость заботой.

Чашка дрогнула в его руке, но Герман поставил её на стол, не расплескав кофе. Он молчал несколько секунд, и я увиде-

ла раздражение, которое он всё хуже скрывал.

— Я не собираюсь оправдываться за желание иметь ещё одного ребёнка, — произнёс он твёрдо. — Возможно, способ был неправильным. Возможно, я должен был поговорить с тобой раньше. Но само желание не делает меня виновным.

— Само желание нет, — согласилась я. — Виновным тебя делает выбор, который ты совершил, и ложь, которой покрывал его каждый день.

— Хорошо, — сказал Герман, коротко кивнув. — Я признаю, что лгал. Признаю, что должен был рассказать. Что ещё ты хочешь услышать?

Этот вопрос прозвучал так, будто он выполнил необходимый минимум и теперь ожидал, что разговор перейдёт к практической части. Я смотрела на него и пыталась найти в лице хотя бы тень раскаяния, но видела только усталость человека, которого заставили признать организационную ошибку.

— Я хочу услышать, что именно ты обещал Алисе, — произнесла я. — Не то, что она якобы неправильно поняла, а твои конкретные слова.

Герман отвёл взгляд к окну. За стеклом ветер шевелил ветви яблони, и капли дождя сбегали по стеклу, размывая отражение кухни. Несколько секунд он молчал, а затем пожал плечами.

— Я говорил, что не брошу её с ребёнком, — ответил он. — Что обеспечу жильём, помогу во время беременности и

буду участвовать в жизни сына.

— Она ждёт, что ты разведёшься, — сказала я. — Сегодня в палате она уверяла, что наш брак давно закончился.

— Алиса молода и эмоциональна, — объяснил Герман с лёгким раздражением. — Она часто слышит не то, что я говорю, а то, что хочет услышать.

— Ты называл меня холодной женой, с которой живёшь ради клиники? — спросила я и увидела ответ раньше, чем он заговорил.

— Я говорил, что наши отношения изменились, — признал он. — Это правда. Мы давно не живём так, как раньше.

— Мы спали в одной постели, планировали отпуск и выбирали мебель, — напомнила я. — Как именно ты объяснял ей эти подробности изменившихся отношений?

— Я не обязан был отчитываться перед ней о каждом нашем ужине, — сказал Герман, и его голос снова стал жёстче. — Она знала, что я не свободен.

— Но верила, что скоро станешь, — уточнила я. — Иначе не спрашивала бы, когда вы будете жить вместе.

Он замолчал, и это молчание стало признанием. Я подошла к столу, взяла стакан воды, который он налил мне, и сделала несколько глотков, потому что во рту стало сухо. Вода казалась тёплой и безвкусной, но дала возможность не говорить несколько секунд.

— Ты обещал ей развод? — спросила я, ставя стакан обратно.

— Я не говорил, что подам заявление завтра, — ответил Герман. — Я сказал, что после рождения ребёнка нам придётся многое изменить.

— Нам? — переспросила я. — Ты обсуждал с любовницей изменения в моём браке и моей жизни, но не счёл нужным пригласить к разговору меня?

— Разговаривать с тобой до того, как стало понятно, что беременность сохранится, не имело смысла, — произнёс он с той же деловой логикой, которая уже звучала в клинике. — Я не хотел причинять тебе боль из-за ситуации, которая могла закончиться сама.

— Закончиться сама, — повторила я, глядя ему в глаза. — Ты говоришь о возможной потере ребёнка так, будто это решило бы проблему и позволило продолжить жить со мной.

Герман резко отвернулся. На этот раз мои слова действительно задели его, но я не почувствовала удовлетворения, потому что его боль снова относилась к сыну, а не к тому, что он сделал со мной.

— Не нужно превращать худший страх в обвинение, — сказал он глухо. — Я каждый день боялся, что с ребёнком что-то случится.

— А я каждый день не знала, что у моего мужа есть ребёнок, которого он боится потерять, — ответила я. — Видимо, это и есть тот взрослый союз, о котором ты говоришь.

Он провёл ладонью по лицу и опустил на стул. Я осталась стоять напротив, потому что не хотела находиться с ним

на одном уровне, как во время семейного разговора, где оба участника имеют равное право на ошибки. Между нами не было равенства: Герман знал всё, а я только начинала собирать обломки собственной жизни.

— Были подарки? — спросила я. — Квартира, украшения, поездки?

— Были, — ответил он без особой охоты. — Я помогал ей, потому что она не могла позволить себе нормальные условия во время беременности.

— На какие деньги?

— На свои, — сказал Герман слишком быстро.

Я посмотрела на него, и он раздражённо выдохнул.

— Часть расходов проходила через клинику, потому что квартира оформлена как служебное жильё, — добавил он. — Это не преступление, Вера. Алиса руководит важным отделом, ей действительно нужно было жить ближе к работе.

— Беременной женщине, которой рекомендовали беречь себя, действительно жизненно необходимо жить ближе к работе, чтобы продолжать готовить юбилей, — произнесла я. — Удобная забота.

— Не начинай выискивать в каждом решении злой умысел, — попросил Герман, сжав переносицу. — Квартира пустовала, водитель всё равно находился в штате, обследования были частью программы. Никто не лишился денег из-за того, что я помог матери своего ребёнка.

— Кроме людей, которые считали эти деньги средствами

клиники, а не твоим личным кошельком, — ответила я. — И кроме жены, которая не знала, почему у мужа внезапно стало так много вечерних встреч.

Он поднял на меня глаза, и в них впервые появилась усталость, похожая на настоящую. Однако даже она не смягчила его слов.

— Если бы я рассказал раньше, ты потребовала бы немедленно прекратить отношения и отказаться от ребёнка, — сказал Герман. — Я знал тебя достаточно хорошо, чтобы не ставить Алису под такой удар.

— Нет, — произнесла я, чувствуя, как в груди снова разрастается боль. — Ты знал, что я потребую права решать, останусь ли рядом с мужчиной, который хочет жить с двумя женщинами. Именно этого права ты меня и лишил.

Он молчал, а я вдруг вспомнила поездку в Петербург, которую Герман совершил осенью якобы ради конференции. Он присылал фотографии гостиничного номера, жаловался на дождь, звонил мне вечером и спрашивал, приняла ли я таблетки от давления. Теперь в памяти возникла Алиса, возможно, стоявшая рядом, пока он говорил со мной.

— Ты ездил с ней? — спросила я. — В Петербург, в Сочи, на тот закрытый форум весной?

Герман не стал отрицать. Он кивнул один раз, и этого было достаточно, чтобы прошлый год начал разворачиваться передо мной новой, невыносимой картиной.

— В Петербург и Сочи, — признал он. — На форум Алиса

ездила по работе, там ничего не происходило.

— Какая тонкая граница, — сказала я. — На двух поездках вы были любовниками, на третьей всего лишь коллегами. Наверное, я должна оценить твою честность.

— Ты сама попросила отвечать, — напомнил он с раздражением. — Я отвечаю.

— Ты отвечаешь так, будто делаешь мне одолжение, — сказала я. — Будто признание четырнадцати месяцев лжи — жест великодушия.

Герман встал и прошёл к окну. Несколько минут назад он хотел закончить разговор до утра, теперь же казалось, что ночь может длиться бесконечно. Я чувствовала, как усталость превращается в болезненную ясность: каждый новый ответ отнимал у меня часть прошлого, но одновременно делал мужа всё более чужим.

— Чего ты хочешь теперь? — спросила я после паузы. — Не общих слов о том, что никто не должен быть разрушен. Конкретно. Как ты представлял нашу жизнь после рождения ребёнка?

Он обернулся медленно. В его взгляде появилось облегчение, словно мы наконец добрались до темы, ради которой он и приехал домой.

— Я хотел дождаться, пока состояние Алисы станет стабильным, а затем поговорить с тобой, — начал Герман. — Через несколько недель мы должны завершить сделку. После этого у клиники появятся деньги на новое отделение, ты

получишь возможность развивать медицинское направление без постоянной борьбы за бюджет, а я смогу отойти от ежедневного управления.

— И заняться новой семьёй? — спросила я.

— Не новой семьёй, — возразил он. — Сыном.

— А Алиса в эту схему не входит?

— Она мать моего ребёнка, и я буду о ней заботиться, — ответил Герман. — Но это не означает, что я собираюсь жениться на ней или переезжать к ней.

Я несколько секунд смотрела на него, не понимая, как человек может произносить подобное без малейшего стыда. Возможно, Алиса знала правду, а возможно, лежала сейчас в палате, уверенная, что после рождения сына получит мужчину, ради которого согласилась быть тайной больше года.

— Ты собирался оставить её в отдельной квартире, приезжать к сыну и возвращаться домой ко мне, — произнесла я. — И считал, что это устроит всех.

— Не сразу, — уточнил Герман, будто проблема заключалась в сроках. — Нам потребовалось бы время, чтобы привыкнуть. Но да, я не видел необходимости разрушать наш брак.

— Ты уже его разрушил.

— Нет, — повторил он с раздражающей уверенностью. — Я нарушил верность. Это тяжело, больно и неправильно, но не всё в браке сводится к верности. Есть двадцать лет общей жизни, дочь, клиника, дом, взаимное уважение.

— Взаимное уважение закончилось в тот момент, когда ты решил, что можешь годами лгать мне во имя собственного удобства, — ответила я. — Или его вообще никогда не было, а я просто не замечала?

Герман сделал шаг ко мне, но остановился, увидев, как я напряглась. Он заговорил мягче, почти ласково, и эта интонация ранила сильнее грубости.

— Вера, посмотри на нас, — сказал он. — Мы не случайная пара, которая прожила вместе три года и обнаружила, что ошиблась. Мы построили всё, что у нас есть, вместе. Ты действительно готова отказаться от двадцати лет из-за того, что в моей жизни появилась другая женщина?

— Не я отказываюсь от двадцати лет, — произнесла я. — Это ты решил, что они дают тебе право на всё.

— Я не прошу тебя принимать Алису в доме, дружить с ней или воспитывать ребёнка, — продолжил Герман, словно не услышал меня. — Она будет жить отдельно. Я обеспечу её, буду видеть сына и выполнять обязанности отца. Твоя повседневная жизнь не изменится настолько, как тебе сейчас кажется.

Я рассмеялась, и на этот раз смех всё-таки прорвался наружу. Он был тихим, неровным и совсем не весёлым, но Герман посмотрел на меня с тревогой, будто боялся, что я действительно теряю контроль.

— Моя повседневная жизнь уже изменилась, — сказала я, вытирая выступившие слёзы ладонью. — Я больше не могу

смотреть на тебя и не видеть её. Не могу думать о твоих поездках, звонках, задержках и не спрашивать, где ты был на самом деле. Не могу лечь с тобой в постель, не представляя, как ты возвращался ко мне после неё.

— Сейчас ты говоришь из боли, — произнёс он осторожно.

— А ты говоришь из удобства, — ответила я. — Поэтому моя боль кажется тебе временной, а твой план — вечным.

Он снова сел, на этот раз тяжело, и несколько секунд смотрел на свои руки. Обручальное кольцо оставалось на его пальце. Мне захотелось спросить, снимал ли он его рядом с Алисой, но я не стала: ответ уже не мог сделать эту ночь хуже или лучше.

— Есть ещё одна причина, по которой нельзя принимать решения сейчас, — сказал Герман после паузы. — Сделка с «Медика Нова».

Название прозвучало в нашей кухне почти неприлично. После измены, ребёнка, лжи и тайных поездок он перешёл к будущим покупателям так спокойно, будто именно ради этого разговора терпел мои вопросы.

— Я слушаю, — произнесла я, складывая руки на груди. — Объясни, сколько стоит моё молчание.

— Не драматизируй, — попросил он, но сразу продолжил, заметив мой взгляд. — Они вкладывают значительную сумму при условии, что ты остаёшься медицинским руководителем минимум на три года. Твоё имя, опыт и репутация —

основа оценки клиники. Если сейчас начнётся развод, публичный скандал или ты заявишь об уходе, покупатели могут снизить предложение или вообще отказаться.

— Значит, ты скрывал ребёнка не только ради его безопасности, — сказала я. — Ты ждал, пока я подпишу нужные бумаги.

— Я ждал подходящего момента, — поправил Герман. — Сделка важна не только мне. Благодаря ей мы откроем отделение для сложных новорождённых, которое ты сама требовала много лет. Сотрудники получают новые возможности, пациенты — помощь, которой сейчас в городе почти нет.

Он говорил уверенно и правильно. Именно таким голосом Герман обычно убеждал меня потерпеть ещё немного, согласиться на неприятный компромисс или отказаться от конфликта ради клиники. Раньше я верила, что мы оба жертвуем личным во имя общего дела. Теперь оказалось, что жертвовала в основном я.

— И сколько месяцев я должна изображать счастливую жену? — спросила я. — До сделки, после сделки, до рождения ребёнка или до тех пор, пока Алиса окончательно не устанет ждать?

— Несколько месяцев, — ответил Герман. — Пока всё не стабилизируется. Мы спокойно завершим сделку, Алиса родит, ты придёшь в себя, а затем примем решение без давления и публичной грязи.

— Мы? — переспросила я. — Ты уже принял все решения

один. Мне оставил только возможность согласиться позднее.

— Я пытаюсь сохранить для тебя всё, что важно, — сказал он, вставая. — Дом останется тебе, даже если мы решим жить отдельно. Твоя работа и положение не изменятся. Дарья продолжит учёбу, ей не придётся выбирать между родителями. Алиса не станет появляться здесь и вмешиваться в твою жизнь. Ребёнок будет жить с ней.

Он перечислял это как условия щедрого соглашения, и каждое новое обещание делало происходящее отвратительнее. Дом, работа, обучение дочери, отдельная квартира для любовницы — Герман распределял имущество и людей, не спрашивая ни одного из них.

— Ты предлагаешь мне собственный дом как компенсацию за мужа, — произнесла я, не сводя с него глаз. — Работу, которую я создавала двадцать лет, как подарок за молчание. Учёбу нашей дочери как награду за то, что я не разрушу твою репутацию.

— Я ничего не покупаю, — возразил он. — Я объясняю, что у тебя нет причин бросать всё и превращать жизнь в войну.

— У меня есть причина, — сказала я. — Я больше не хочу быть твоей женой.

Эти слова прозвучали впервые. Я не готовила их и не знала, окончательное ли это решение, но, произнеся, почувствовала не только боль, но и странное облегчение. Герман замер, и на его лице наконец появилось выражение, которого

я ждала всю ночь: настоящий страх.

— Не говори того, о чём пожалеешь утром, — произнёс он тихо. — Ты устала, потрясена и сейчас видишь только худшее.

— Худшее лежит в палате на двадцать девятой неделе беременности, — ответила я. — И называет моего мужа своим мужчиной.

— Она не называла меня так при тебе, — заметил Герман, и я не поверила, что он действительно решил спорить с формулировкой.

— Ей не пришлось, — сказала я. — Я видела, как ты к ней прикоснулся.

Он отвёл взгляд. Возможно, именно эта сцена смущала его больше признания, потому что движение руки выдало чувство, которое словами можно было бы уменьшить, назвать привязанностью или ответственностью.

— Алиса испугалась, — произнёс Герман после паузы. — Я тоже. Это был тяжёлый момент.

— Для тебя тяжёлым был момент, когда мог погибнуть сын, — сказала я. — Для меня тяжёлым стал момент, когда выяснилось, что мой муж уже давно живёт не со мной одной.

— Я живу с тобой, — возразил он. — Этот дом, эта семья, наша дочь — моя настоящая жизнь.

— А Алиса?

— Другая часть моей жизни, — ответил Герман, и в его голосе снова появилась уверенность человека, наконец на-

шедшего точную формулировку. — Не обязательно уничтожать одну часть ради другой.

Я подошла к окну, потому что больше не могла стоять рядом. Дождь почти прекратился, и в стекле отражалась кухня — светлая, дорогая, идеально убранная. Вера в отражении выглядела женщиной, которой действительно ничего не отняли: дом стоял, муж находился рядом, дочь была жива, клиника работала. Только внутри этой женщины больше не оставалось прежней жизни.

— Сколько раз она была здесь? — спросила я, не оборачиваясь.

— Ни разу, — ответил Герман быстро. — Я не приводил её в наш дом.

— Ты считаешь, что это важно?

— Да, — произнёс он. — Я сохранял границы.

Я закрыла глаза. Герман действительно гордился тем, что не привёл любовницу в супружескую спальню. В его системе координат отдельная квартира, тайные поездки и желанный ребёнок не разрушали брак, пока Алиса не переступала порог нашего дома.

— Какие ещё границы ты сохранял? — спросила я. — Не оставался у неё до утра? Не ездил с ней туда, где нас знают? Не позволял называть себя мужем?

— Я не позволял ей вмешиваться в твои дела, — ответил он. — Не обсуждал с ней Дарью, не рассказывал подробности твоей работы, не сравнивал вас.

— Ты только объяснил ей, что я холодная жена и наш брак давно закончен, — напомнила я. — Очень деликатно.

— Я не говорил, что ты холодная, — возразил Герман. — Я сказал, что мы давно живём как партнёры.

— Это и есть сравнение, — сказала я, поворачиваясь. — Ты дал ей понять, что она женщина, а я функция.

Он хотел ответить, но в этот момент его телефон зазвонил. Герман посмотрел на экран, и я сразу поняла, кто звонит, потому что его лицо изменилось. Не смягчилось полностью, но стало внимательнее, живее, будто разговор со мной был тяжёлой обязанностью, а этот звонок возвращал его к настоящей тревоге.

— Ответь, — сказала я. — Возможно, у Алисы снова началось кровотечение.

Герман принял вызов и отвернулся, но я слышала каждое слово. Он говорил негромко, успокаивал, обещал приехать утром, объяснял, что находится дома и решает важные вопросы. Даже не называя имени, Алиса несколько раз спросила что-то, после чего Герман посмотрел на меня.

— Вера рядом, — сказал он в телефон. — Да, мы разговариваем. Нет, сейчас не нужно об этом думать. Постарайся поспать, Нина Павловна позвонит мне при любых изменениях.

Я стояла в нескольких шагах и чувствовала, как становлюсь посторонней в собственном доме. Он успокаивал любовницу при жене, а затем, вероятно, успокаивал бы жену,

вернувшись от любовницы. Для Германа это не было жестокостью, потому что он считал себя человеком, который заботится обо всех.

— Она спросила, выгонишь ли ты её из клиники? — спросила я, когда он закончил разговор.

Герман убрал телефон и вздохнул.

— Алиса боится за работу, — ответил он. — Она понимает, что ты можешь воспользоваться положением.

— Она больше года спала с владельцем клиники и теперь боится, что положением воспользуюсь я, — произнесла я. — Какая поразительная несправедливость.

— Не нужно мстить ей через работу, — сказал Герман. — Она хороший специалист и многое сделала для нашей рекламы.

— Я не собираюсь её увольнять, — ответила я. — Но и защищать от последствий ваших решений не буду.

— Каких последствий? — спросил он. — Её личная жизнь не относится к профессиональным обязанностям.

— Твоя тоже не относилась, пока ты не начал оплачивать её квартиру и водителя деньгами клиники, — напомнила я. — И пока не решил использовать её беременность в рекламе.

Герман на мгновение замолчал, а затем пожал плечами.

— Программа действительно может получить сильную историю, — сказал он. — Алиса сама была согласна участвовать.

— Она была согласна рекламировать клинику ребёнком,

отец которого руководит этой клиникой, — уточнила я. — И ты не увидел здесь ничего, что следовало бы обсудить со мной.

— Мы бы обсудили позже, — повторил он. — Ты сейчас судишь решения, не зная всей картины.

— Тогда покажи мне всю картину, — потребовала я. — Что будет после рождения? Ты станешь ездить к ним каждый вечер? Брать ребёнка сюда на выходные? Поселишь Алису в соседнем доме? Представишь Дарье брата и предложишь мне накрыть стол?

— Не передёргивай, — сказал Герман, но не ответил сразу. — Сначала Алиса восстановится, ребёнок окрепнет. Потом мы постепенно познакомим его с Дарьей.

— Мы?

— Ты можешь не участвовать, если не захочешь, — пояснил он, словно делал уступку. — Я сам поговорю с дочерью.

— И что скажешь? — спросила я. — Что её было достаточно, пока другого выхода не существовало?

Он замер. Я увидела, как его лицо стало жёстче, но остановиться уже не могла.

— Ты говорил мне, что Дарья — всё, что тебе нужно, — продолжила я. — Говорил, что любишь её больше любого несостоявшегося сына. Теперь выясняется, что ты просто ждал выхода.

— Не смешивай любовь к дочери и желание иметь ещё одного ребёнка, — произнёс Герман, отчётливо разделяя сло-

ва. — Я люблю Дарью. Но она взрослая, у неё скоро будет собственная жизнь, своя семья.

— А сын останется твоим? — спросила я.

— Он будет носить мою фамилию, — ответил Герман после паузы. — Возможно, однажды продолжит наше дело.

Я смотрела на мужа и чувствовала, как боль меняется. До этого она была личной, женской, почти телесной: прикосновения, ложь, другая женщина. Теперь к ней добавилось что-то материнское и гораздо более страшное.

— Дарья тоже носит твою фамилию, — сказала я. — Она учится на врача и мечтает работать в клинике.

— Сейчас, — произнёс Герман. — Но она выйдет замуж, возможно, уедет, выберет другое направление. Нельзя строить будущее только на ожиданиях.

— А на младенце, который ещё не родился, строить можно?

— Я говорю не только о клинике, — ответил он и снова потёр переносицу. — Вера, мужчины иногда хотят сына. Это не означает, что дочери становятся менее любимыми.

— Но означает, что их недостаточно, — сказала я.

Герман помолчал. Потом посмотрел на меня прямо и произнёс фразу, после которой я окончательно перестала видеть перед собой того мужчину, который сидел у моей кровати после рождения Дарьи.

— Тогда другого выхода не было, — сказал он спокойно. — Теперь появился.

Я не ответила сразу. В кухне негромко гудел холодильник, на столе остывал кофе, а за окном ветер снова усиливал дождь. Казалось, даже дом услышал эти слова и застыл вместе со мной.

— Ты понимаешь, что только что сказал? — спросила я наконец. Голос был тихим, но Герман вздрогнул, будто я закричала. — Ты назвал нашу дочь тем, с чем пришлось смириться, пока не появился другой выход.

— Я не это имел в виду, — произнёс он, впервые за ночь отступая от собственной уверенности. — Не искажай мои слова.

— Мне не нужно их искажать, — ответила я. — Ты сделал всё сам.

— Дарья — мой ребёнок, и я люблю её, — сказал Герман жёстче. — Но это не запрещает мне хотеть сына.

— Ничто не запрещало тебе хотеть, — повторила я. — Тебе запрещалось только лгать нам обоим и делать вид, что желание даёт право перестроить наши жизни без согласия.

Он открыл рот, но я подняла руку, останавливая его. Впервые за весь разговор мне стало не важно, что он ответит. Любая следующая фраза могла лишь подробнее объяснить ту чудовищную систему, в которой любовь измерялась удобством, дочь — способностью продолжить фамилию, а жена — готовностью сохранять созданный мужчиной порядок.

— Я не буду говорить с Дарьей сегодня, — сказала я. — Она узнает не по телефону и не среди ночи. Но ты тоже не

станешь звонить ей раньше меня и рассказывать, что наш брак давно закончился.

— Я не собирался, — ответил Герман. — Ей действительно лучше узнать всё спокойно.

— От тебя я больше не принимаю определения слова «лучше», — сказала я. — Завтра мы поговорим с ней вместе или я сама решу, когда и как это сделать.

— Вера, — начал он, но я снова остановила его взглядом.

— Нет, Герман. Дочь — не часть твоего плана. Ты не будешь использовать её страх, учёбу или любовь к тебе, чтобы заставить меня молчать.

— Я никогда не стал бы этого делать, — возразил он и выглядел почти оскорблённым.

— Ты уже сделал гораздо больше того, на что, как я думала, не способен, — ответила я. — Поэтому больше не буду оценивать тебя по прежним представлениям.

Герман отвернулся. Несколько минут мы молчали, и я чувствовала, как ночь постепенно приближается к утру, хотя за окнами всё ещё было темно. Усталость становилась почти физической тяжестью, но лечь в нашу спальню я не могла. Там лежали его вещи, стояли наши фотографии, а в шкафу висела рубашка, которую я гладила перед поездкой в Сочи, куда он, как теперь выяснилось, ездил с Алисой.

— Я посплю в гостевой, — сказала я. — Утром вернусь в клинику и передам Алису другому врачу.

— Мы ещё не закончили, — произнёс Герман.

— Ты рассказал достаточно, — ответила я. — Остальное я всё равно буду узнавать не от тебя, а по случайным деталям.

— Не нужно превращать следующие недели в расследование, — попросил он, и в голосе снова появилось раздражение. — Это унизит нас обоих.

— Меня унизило не расследование, — сказала я. — Меня унизил муж, который решил, что может купить молчание домом и работой.

Я направилась к лестнице, но Герман догнал меня у первой ступени и встал впереди, не позволяя пройти. Он не касался меня, однако его фигура перекрывала дорогу, и этот жест показался слишком похожим на всё, что он делал последние месяцы: вставал между мной и правдой, уверенный, что имеет право решать, куда я пойду.

— Послушай хотя бы до конца, — сказал он. — Я не прошу тебя принять решение сегодня. Прошу только несколько недель ничего не разрушать. Не подавать на развод, не рассказывать сотрудникам, не отказываться от сделки. После того как всё завершится, мы сядем и решим, как жить дальше.

— Кто такие «мы»? — спросила я. — Ты и я? Или ты, я и Алиса, которой ты уже пообещал будущее?

— Я ничего не обещал ей окончательно, — ответил Герман. — И не собираюсь позволять ей диктовать условия.

— Как великодушно, — сказала я. — Значит, ни одна из нас не получит право диктовать тебе условия.

Он сжал челюсть, но продолжил спокойнее:

— Если ты сейчас устроишь скандал, пострадают не только мы. Сделка может сорваться, сотрудники потеряют перспективы, новое отделение не откроется. Ты сама много лет боролась за него.

— Не прикрывай клиником своё предательство, — сказала я. — Ты всегда делаешь так, когда хочешь, чтобы я пожертвовала собой. Напоминаешь о пациентах, сотрудниках, будущем, и в результате именно я должна терпеть то, что удобно тебе.

— Потому что ты сильнее, — ответил он, и в его голосе неожиданно появилась почти нежность. — Ты всегда умела выдерживать то, что другие не могут.

Я смотрела на него и наконец поняла, почему эта фраза раньше казалась признанием, а теперь звучала как приговор. Герман любил мою силу не потому, что уважал её, а потому, что она позволяла ему причинять мне больше боли и рассчитывать, что я всё равно останусь стоять.

— Не называй моей силой своё право испытывать её, — произнесла я. — Я не обязана выдерживать всё только потому, что раньше выдерживала многое.

Он молчал, а я обошла его и поднялась наверх. В гостевой комнате было прохладно и пахло чистым бельём. Я закрыла дверь, но не заперла: мысль о том, что в собственном доме мне нужно защищаться замком, казалась слишком невыносимой.

Я сняла халат, переоделась и села на край кровати, не включая свет. На тумбочке стояла фотография, которую Дарья сделала прошлым летом: мы втроём на террасе, Герман обнимает меня за плечи, я смеюсь, а дочь показывает в камеру стакан лимонада. Снимок был сделан около десяти месяцев назад. Значит, в тот момент у него уже была Алиса.

Я взяла рамку и долго смотрела на наши лица. Раньше фотография казалась доказательством счастья, теперь же я видела в ней только собственное неведение. Герман улыбался спокойно, потому что знал обе части своей жизни и считал, что удерживает их под контролем.

Телефон лежал рядом. Я открыла переписку с мужем и начала прокручивать сообщения, хотя понимала, что причиняю себе боль намеренно. «Задержусь на встрече». «Не жди с ужином». «Улетаю утром, вернусь в пятницу». «Люблю тебя». Последние слова встречались реже, чем раньше, но встречались, и от этого становилось хуже.

Внизу хлопнула дверь кабинета, затем послышались шаги. Герман не поднялся ко мне сразу. Вероятно, звонил Алисе, проверял новости из клиники или просто ждал, когда я успокоюсь и стану более удобной для разговора. Я легла, но закрыть глаза не смогла.

Через несколько минут дверь тихо открылась. Герман вошёл без стука, остановился у порога и долго смотрел на меня в темноте.

— Я не хотел, чтобы ты узнала так, — сказал он. Голос

звучал устало и почти искренне, но после всего услышанного одной этой искренности было недостаточно. — Я собирался подготовить тебя.

— Подготовить к чему? — спросила я, не поднимаясь. — К тому, что у мужа будет сын на стороне, а жена должна сохранить улыбку для покупателей?

— К тому, что жизнь не всегда укладывается в правила, — ответил он. — Мы могли бы пройти через это без уничтожения всего хорошего.

— Ты говоришь о хорошем так, будто оно принадлежит только тебе, — произнесла я. — Будто ты можешь испортить его, а потом решить, сколько мне оставить.

Герман вошёл и прикрыл дверь. Он не стал садиться рядом, остановился у окна, и его силуэт едва различался в темноте.

— Я не хочу потерять тебя, — сказал он после паузы.

— Но рискнул.

— Я считал, что мы сильнее одной ошибки.

— Четырнадцать месяцев — не ошибка, — ответила я. — Это образ жизни.

Он вздохнул, но не возразил. Несколько секунд стоял неподвижно, а затем произнёс:

— Я могу прекратить отношения с Алисой как с женщиной. Но от ребёнка не откажусь.

— Ты говоришь так, будто я требовала отказаться от ребёнка, — сказала я. — Мне даже не дали возможности че-

го-то требовать.

— Тогда чего ты хочешь сейчас?

Я посмотрела на него и поняла, что не знаю. Хотела вернуть утро, в котором Герман поцеловал меня у двери. Хотела отменить четырнадцать месяцев, убрать Алису из его памяти, уничтожить ребёнка как факт, не причиняя вреда живому младенцу. Хотела быть женщиной, которая не спасала любовницу собственного мужа, потому что тогда мне не пришлось бы видеть его руку на её животе.

— Я хочу, чтобы ты вышел, — ответила я наконец. — Сегодня это единственное желание, которое ты ещё можешь выполнить.

Герман не двинулся сразу. Потом кивнул и направился к двери, но перед выходом обернулся.

— Утром ты посмотришь на всё иначе, — сказал он. — Не простишь, но хотя бы перестанешь разрушать будущее из-за первого удара.

— Утром я буду помнить всё то же самое, — ответила я. — Просто стану менее уставшей и, возможно, ещё лучше пойму, с кем прожила двадцать лет.

Он закрыл дверь, и я осталась одна. Сон так и не пришёл. Я лежала, слушала тишину дома и время от времени смотрела на часы, будто ночь могла закончиться раньше, если следить за каждой минутой.

Около пяти утра телефон завибрировал. Нина Павловна сообщила, что состояние Алисы остаётся стабильным, по-

вторного кровотечения не было, ребёнок чувствует себя удовлетворительно. Я поблагодарила её и попросила к восьми часам собрать заведующую отделением и дежурного врача, чтобы официально передать пациентку.

После сообщения я встала и приняла душ. Горячая вода стекала по коже, но не могла смыть ощущение чужого прикосновения к моей жизни. На безымянном пальце оставалась светлая полоса от кольца, и я долго смотрела на неё, будто кожа ещё хранила то, чего уже не существовало.

На кухне Герман сидел за столом в той же рубашке. Перед ним стояли чашка кофе и открытый ноутбук. Он успел побриться, пригладить волосы и снова стать человеком, которого знали сотрудники: собранным руководителем, способным вести важные переговоры после бессонной ночи.

— Алиса стабильна, — сказал он вместо приветствия. — Нина Павловна звонила мне около четырёх.

— Мне тоже, — ответила я, наливая воду в чайник. — К восьми я соберу врачей и передам пациентку Марине Олеговне.

Герман закрыл ноутбук. Его движения были спокойными, но слишком точными, и я поняла, что он уже готовился к этому спору.

— Марина хороший врач, но у неё меньше опыта в подобных случаях, — произнёс он. — Ты можешь остаться старшим консультантом.

— Я готова участвовать в сложном обсуждении, если от

моего мнения действительно будет зависеть жизнь Алисы или ребёнка, — ответила я. — Но вести её беременность не стану.

— Это уже выглядит как отказ по личным мотивам, — заметил Герман. — И ты должна понимать, как это воспримут.

Я поставила чашку на стол и повернулась к нему.

— Кто именно? — спросила я. — Врачи, которые знают, что конфликт интересов нужно устранять? Или люди, которым ты расскажешь, что ревнивая жена бросила беременную любовницу?

— Я никому ничего не собираюсь рассказывать, — ответил он. — Но Алиса может подать жалобу. Сотрудники видели, что ты была с ней ночью, а утром внезапно отказалась.

— Алиса знает причину, — сказала я. — И если решит пожаловаться на то, что жена её любовника не захотела месяцами вести беременность, это будет её выбор.

— Она может не формулировать это так, — произнёс Герман осторожно. — Достаточно сказать, что после тяжёлого кровотечения врач, которому пациентка доверяла, отказалась продолжать наблюдение.

Я смотрела на него и понимала, что угроза спрятана внутри якобы разумного предупреждения. Герман не запрещал мне передавать Алису, не повышал голос и не называл условия. Он просто рисовал картину, в которой любое моё решение могло превратиться в доказательство непрофессионализма.

— Ты уже обсуждал с ней жалобу? — спросила я.

— Нет, — ответил он слишком быстро. — Но обязан учитывать возможные последствия.

— Для клиники или для своего сына?

— Для всех, — сказал Герман. — Включая тебя.

Чайник закипел, но я не стала наливать чай. Вчера мне казалось, что после ночи появится хотя бы небольшая дистанция между болью и реальностью. На самом деле утро лишь показало, насколько тщательно Герман намерен использовать всё, что мы строили вместе, чтобы удержать меня в назначенной роли.

— Я подам письменное заявление, — сказала я. — Укажу, что оказала экстренную помощь, но после раскрытия личного конфликта не могу оставаться лечащим врачом. Предложу другого специалиста и готовность участвовать в необходимых консультациях. Этого достаточно.

— Формально, возможно, — ответил Герман. — Но репутация строится не только на формальностях.

— Моя репутация переживёт отказ лечить любовницу мужа, — сказала я. — Не уверена, что твоя переживёт всё остальное.

Он поднялся. На мгновение мне показалось, что Герман подойдёт и снова попытается прикоснуться, но он лишь застегнул верхнюю пуговицу рубашки и надел пиджак, висевший на спинке стула.

— Не угрожай тем, что не сможешь контролировать, —

произнёс он. — Публичный скандал ударит по тебе не меньше, чем по мне.

— Я пока никому не угрожаю, — ответила я. — Просто впервые не обещаю тебя защищать.

Герман взял ключи и телефон. Перед тем как выйти из кухни, он остановился рядом со мной, достаточно близко, чтобы я почувствовала знакомый запах его парфюма. Раньше этот запах означал дом. Теперь к нему навсегда примешался стерильный воздух палаты Алисы.

— Я не выбираю Алису вместо тебя, — сказал он тихо, стараясь придать голосу терпеливую мягкость. — Не нужно заставлять меня делать выбор, которого на самом деле не существует.

Я посмотрела на него. В утреннем свете он казался совершенно уверенным в себе, словно ночь ничего не изменила и мне оставалось только принять очевидный порядок вещей.

— Для меня выбор существует, — ответила я. — И ты сделал его четырнадцать месяцев назад.

Герман покачал головой, будто я снова отказалась понять простую истину. Затем открыл дверь, но перед уходом всё-таки обернулся.

— Я не выбираю Алису вместо тебя, — повторил он уже жёстче. — У каждой из вас будет своё место. Не заставляй меня объяснять очевидное.

Глава 3. Мужчина, которому я не поверила

На третий день после ночного кровотечения Алисы я впервые вошла в клинику не через главный вход. Машину оставила у служебного корпуса, поднялась по узкой лестнице, которой обычно пользовались сотрудники лаборатории, и оказалась в коридоре возле хозяйственных помещений. Это было нелепо: я не сделала ничего постыдного, не нарушила ни одного правила и всё ещё занимала должность медицинского директора, однако мысль о том, что

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.